

Басовец Ирина Михайловна

докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Basovets

Post-PhD Researcher
of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
basovets@list.ru

ГИБРИДНАЯ СУБЪЕКТНАЯ МОДЕЛЬ
ТЕКСТОВОЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

HYBRID SUBJECT MODEL
OF TEXT DEAUTHORIZATION IN BELARUSIAN MEDIA TEXTS

В работе установлено, что текстовая деавторизация реализуется благодаря референциально-семантическим и прагматическим связям субъектных компонентов конструкций деавторизации. Определено, что гибридная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычных медиатекстах сочетает в себе признаки других моделей и отличается наличием двух и более субъектных центров; неоднородностью репрезентации источников информации с различной степенью детализации; использованием в одном из субъектных центров модели метонимичных существительных для выстраивания иерархических отношений; гетерогенностью прагматических функций, реализуемых конструкциями деавторизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: текстовая деавторизация; конструкции деавторизации; нереферентный субъект; неавторизованная информация; гибридная субъектная модель.

The paper states that text deauthorization is realized thanks to the referential-semantic and pragmatic connections of the subject components of deauthorization structures. It has been revealed that the hybrid subject model of text deauthorization in Belarusian media texts combines the features of other models and is distinguished by the presence of two or more subject centers; the heterogeneity in the representation of information sources with varying degrees of detail; the introduction of metonymic nouns in one of the model subject centers to build hierarchical relationships; and nonuniformity of pragmatic functions implemented by deauthorization structures.

К e y w o r d s: text deauthorization; deauthorization structures; non-referential subject; unauthorized information; hybrid subject model.

Исследование не только способов номинации нереферентных субъектов – источников информации в современных СМИ и их прагматического потенциала, но и изучение их взаимосвязи в пространстве целого текста

представляется актуальным, поскольку непосредственно соотносится с изучением возможностей управления информацией и общественным мнением, с одной стороны, и умением продуцировать лингвистически безопасные медиасообщения, с другой, а значит, представляет интерес как для производителей, так и потребителей медиапродуктов. Цель работы заключается в выявлении связей субъектных компонентов конструкций деавторизации в белорусскоязычных медиатекстах и построении гибридной субъектной модели текстовой деавторизации. Использовались методы контекстуального, семантического и лингвопрагматического анализа; метод моделирования. Материалом послужили письменные газетные тексты информационно-аналитического жанра на белорусском языке, анализ которых показал, что тематически взаимосвязанные деавторизованные высказывания демонстрируют свой текстообразующий характер во многом благодаря субъектным компонентам конструкций деавторизации, которые обнаруживают логико-тематическую, референциально-семантическую и прагматическую связность.

Траекторию изучения деавторизации на текстовом уровне с намеченным теоретико-понятийным фундаментом и методологией исследования задали 1) работы, посвященные изучению авторизации на текстовом уровне в разных функциональных стилях и 2) работы, в которых содержится упоминание терминов «деавторизация» или «дезавторизация», «деавторизаторы», «неавторизованная информация». Среди работ первой группы можно выделить, например, диссертационное исследование В. В. Филатовой на материале художественных произведений, где раскрывается текстообразующий потенциал авторизованных высказываний с установлением радиуса их действия, что демонстрирует связь с когезией и членимостью текста [1]; исследование С. В. Гричина в отношении авторизации как текстовой категории с построением ее когнитивно-дискурсивной модели на материале русскоязычных научных текстов [2]; исследование Е. А. Лебедевой о взаимодействии авторизации и персуазивности в англоязычных медиатекстах, где определяется одна из функций авторизационных показателей в тексте – квалификация источника информации с целью убедить читателя в истинности информации [3] и т.п. Вторая группа работ, так или иначе связанных с деавторизацией, представлена довольно ограниченным перечнем: статья М. А. Кормилицыной, в которой на материале современных русскоязычных газетных текстов намечены способы *дезавторизации* для вуалирования или сокрытия автора сообщения [4]; диссертация Е. В. Осетровой, где фиксируется использование ряда конструкций для

передачи *неавторизованной* информации в виде слухов [5]; исследование М. А. Осадчего о коммуникативно-правовых рисках в публичной коммуникации, где деавторизация квалифицируется как коммуникативная тактика, которая характеризуется намерением говорящего снять с себя авторскую ответственность за высказывание и предполагает введение в высказывание специальных *деавторизаторов* [6]; работа по журналистике, где деавторизацию также трактуют как тактику, «ссылку на непроверяемые источники», целью которой является намерение говорящего снять с себя авторскую ответственность за высказывание, для чего в текст вводятся специальные *деавторизаторы*, указывающие на нефиксированные, непроверяемые источники информации [7, с. 50–51]; статья А. В. Курьянович, где деавторизация определяется как функция отстранения автора от содержания высказывания путем употребления неопределенно- и обобщенно-личных конструкций [8]; исследование Ю. Н. Драчевой, в котором под «языковым механизмом *деавторизации текста*» понимается «внесение в текст установки на неопределенное авторство» [9, л. 225]. В указанных работах по лингвистике, журналистике и публичной коммуникации деавторизация рассматривается фрагментарно при упоминании в отношении некоторого частного явления. Комплексного же изучения деавторизации на текстовом уровне с установлением системных связей ее компонентов и определением лингвопрагматических характеристик в современной гуманитарной науке не проводилось.

В нашей статье постараемся представить часть такого исследования на материале белорусскоязычной информационно-аналитической статьи «Чаму скандынаўскую краіну захліснула крывававая хваля гвалту?» (Звязда, 01.12.2023), из которой методом сплошной выборки были отобраны следующие деавторизованные высказывания, объединенные принадлежностью к одной из трех групп повествующих субъектов, все из которых являются нереферентными.

К первой, самой многочисленной группе принадлежат высказывания, передающие мнения, утверждения правоохранительных органов: *Як **выказала меркаванне паліцыя**, зламыснікі рабілі замах на члена мафіёзнай групоўкі «Факстрот», які пражывае па гэтым адрасе; **Шведская паліцыя мяркуе**, што мясцовыя банды ўсё часцей выкарыстоўваюць дзяцей для ўчынення злачынстваў...; У Швецыі адносна лёгка можна купіць нелегальную зброю, якая паступае ў асноўным з балканскіх краін, **лічыць паліцыя**; Падлеткі запэўніваюць, што хацелі ўсяго толькі «правучыць» таксіста, а не забіваць яго, але **пракуратура сцвярджае** адваротнае; **У паліцыі наведамілі**, што гэтая жанчына стала выпадковай ахвярай злачынства...; **Паводле***

*звестак праваахоўных органаў, дзеці ўсё больш малодшага ўзросту (нека-
торым усяго 10 гадоў) залучаюцца ў гандаль наркотыкамі і сярод іх расце
колькасць тых, хто ў канфліктах выкарыстоўвае зброю са смяротнымі
наступствамі.*

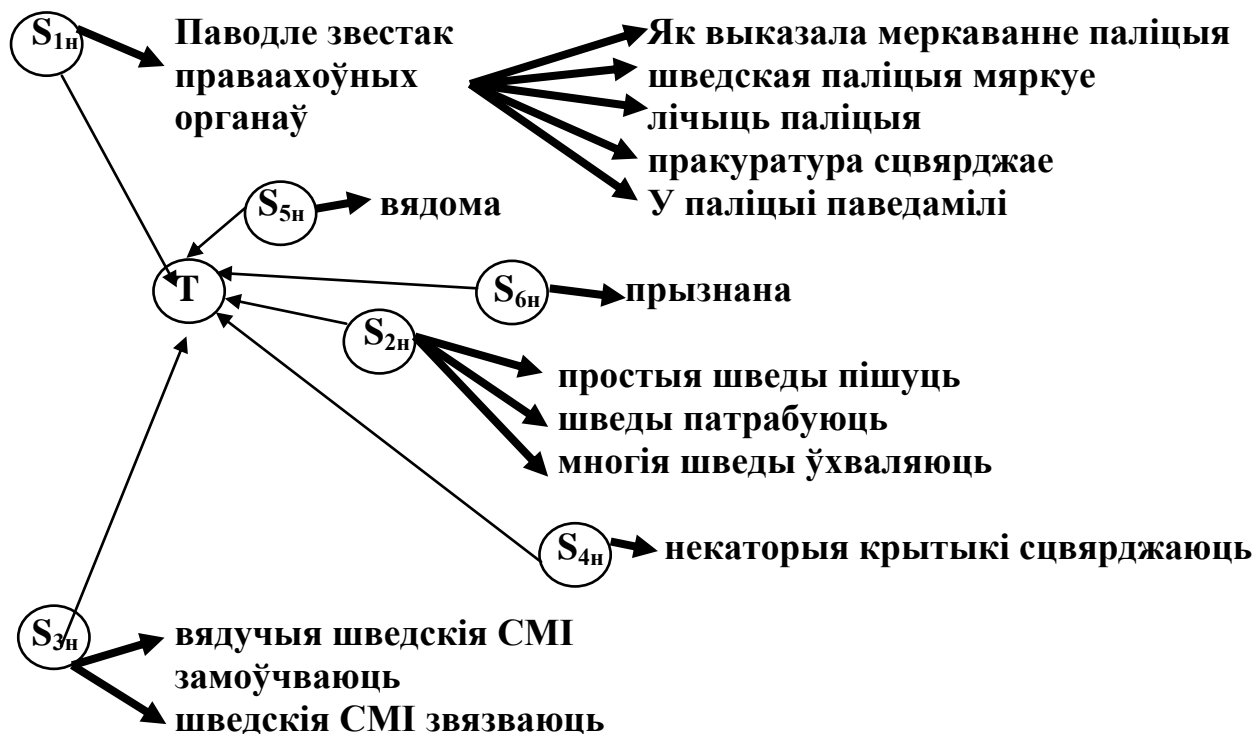
Вторая группа состоит из высказываний, количественно в два раза уступающих первой группе и подаваемых от имени жителей Швеции: **Простыя шведы пішуць** у сацсетках, што рост колькасці згвалтаванняў звязаны з занадта мяккімі прысудамі; **Шведы патрабуюць** ад свайго ўрада, каб ён нарэшце зрабіў хоць нешта; Не выключана, што **многія шведы** ціш-ком **ухваляюць** учынак падлеткаў.

Третья группа содержит два деавторизованных высказывания, репрезентующих позицию шведских СМИ: **Вядучыя шведскія СМІ збольшага замоўчваюць** праблему; **Шведскія СМІ звязваюць** рост колькасці забойстваў у краіне з унутраным канфліктам у бандзе «Факстрот».

Кроме того в статье обнаруживаются тематически связанные деавторизованные высказывания, которые затруднительно отнести к одной из представленных выше групп: **Некаторыя крытыкі сцвярджаюць**, што гэтыя меры не вырашаюць асноўныя сацыяльныя праблемы, у тым ліку дзіцячую беднасць і недастатковае фінансаванне грамадскай інфраструктуры; **Вядома**, што яна раскалолася на дзве канкуруючыя групы, паміж якімі рэгулярна адбываюцца сутыкненні; Швецыя **прызнана** самай крымінальнай краінай Паўночнай Еўропы. Если в случае с *некаторымі крытыкамі* их отдельная позиция очевидна, поскольку они не соотносятся с эксплицитованными в тексте субъектными группами, то в отношении подразумеваемых субъектов конструкций *вядома* и *прызнана* сложно определить, относятся ли они к одной из упомянутых в тексте групп или к каким-либо более широким по охвату группам людей (известно кому? – шведским правоохранительным органам, СМИ, шведам или всем вместе?; признана кем? – шведами, какими-то субъектами в Восточной Европе или в мире?), поэтому будем трактовать их как фрагментарные вкрапления и квалифицировать как самостоятельные структурные элементы, которые минимально представлены в тексте.

С целью визуализации взаимосвязи субъектных компонентов в пространстве всего текста продемонстрируем их расположение в текстовой плоскости с применением элементов геометрического моделирования для построения субъектной модели текстовой деавторизации на примере анализируемой статьи, в которой мозаичность размещения субъектных компонентов с выделением иерархической ветви в одном из субъектных блоков и разный охват потенциального круга референтов, стоящих за

неидентифицируемыми источниками, определяют гибридный характер текстовой деавторизации. Для создания рисунка используются следующие символичные обозначения: S_n – нереферентный субъект, T – объединяющая высказывания повествующих субъектов тема обсуждения.

Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусско-язычной статье

Гибридность представленной модели заключается в сочетании признаков моделей трех разновидностей: 1) лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации, где присутствуют два или более субъектных центров (в рассматриваемой схеме они изображены как S_{1n} , S_{2n} , S_{3n}), 2) иерархической субъектной модели, в которой используется ранжирование в представлении данных от имени нереферентных субъектов различных уровней, связанных отношениями включения в ходе развертывания информации на определенную тему (в нашей схеме они представлены в рамках S_{1n}); 3) связнодисперсной субъектной модели с самостоятельными вкраплениями высказываний нереферентных субъектов, связанных тематически и интенционально (в анализируемой статье такие вкрапления соответствуют изображенным на рисунке S_{4n} , S_{5n} , S_{6n}).

Так, сходство с лучевидной моделью обнаруживается в наличии семантических блоков с субъектными центрами (S_{1n} – правоохранительные органы Швеции, S_{2n} – шведы, S_{3n} – шведские СМИ) и присутствию

параллелизма конструкций деавторизации в отношении референциально-семантического наполнения. Общие черты с иерархической моделью демонстрирует первый субъектный блок, содержащий иерархию, которая выстраивается путем сужения границ потенциальных референтов по следующей схеме: правоохранительные органы Швеции – полиция и прокуратура. При этом кодирование обобщенных субъектов метонимичными существительными производится как в случае с элементом верхнего (*праваохоронныя органы*), так и элементами нижнего (*паліцыя, пракуратура*) уровней иерархии. Схожие признаки со связнодисперсной моделью относятся к структурным характеристикам конструкций и их расположению в тексте: нереферентные субъекты употреблены во всех формальных разновидностях моделей (двусоставных субъектно-предикатных, предложно-падежных и бессубъектных) и расположены по тексту не последовательно, а дисперсионно в соответствии с авторской интенцией, маркируя при этом границы переходов транслируемых эпизодов от имени соответствующих неидентифицируемых источников.

Доминантный прагматический вектор в гибридной субъектной модели не обнаруживается, что объясняется направленностью анализируемой статьи на освещение разносторонних позиций в отношении возросшего числа насильственных преступлений в Швеции. Употребленные в тексте конструкции деавторизации демонстрируют прагматическую гетерогенность благодаря 1) логико-тематическому распределению и семантическому наполнению субъектных блоков и б) семантике составляющих конструкции компонентов. Так, благодаря семантике субъектных компонентов конструкций деавторизации первого субъектного блока создается прагматический эффект весомости сообщаемого, поскольку сведения подаются от имени важнейших органов страны (правоохранительных). Второй субъектный блок эксплицирован менее репрезентативно, но в сообщаемых пропозициях вычитывается коммуникативная тактика неодобрения в отношении действий/бездействия властей, которая реализуется благодаря семантике квалификативной конструкции с оценочным прилагательным *мяккі* в сопровождении интенсификатора *занадта* и хеджированной конструкции *хоць нешта*: ***Простыя шведы пішуць у сацсетках, што рост колькасці згвалтаванняў звязаны з занадта мяккімі прысудамі; Шведы патрабуюць ад свайго ўрада, каб ён нарэшце зрабіў хоць нешта.*** Любопытный случай осложнения авторского субъектного плана конструкцией деавторизации представлен в следующем высказывании, сочетаю-

щем инференциальную эвиденциальность (маркером которой является *не выключана*) и деавторизацию (маркером которой является *многія шведы ўхваляюць*): *Не выключана, што многія шведы цішком ўхваляюць* учынак падлеткаў, где вывод журналиста основывается на встроенную в пропозицию неавторизованную информацию. Что же касается отдельно взятых конструкций, то бессубъектные конструкции *вядома, прызнана* реализуют функцию подачи сведений как общеизвестных; конструкция *некаторыя крытыкі сцвярджаюць* с неопределенным местоимением, употребленным в сочетании с существительным, в позиции субъекта реализует функцию сокрытия источника; конструкция *многія шведы ўхваляюць* создает эффект распространенности сообщаемого.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что гибридная субъектная модель текстовой деавторизации строится на разных семантико-референциальных и прагматических связях субъектных компонентов, сочетает в себе признаки других моделей (в частности, лучевидной и связнодисперсной) и отличается 1) наличием двух и более субъектных центров; 2) неоднородностью репрезентации источников информации с различной степенью детализации; 3) использованием в одном из субъектных центров модели метонимичных существительных для выстраивания отношений ранжирования при кодировке нереферентных обобщенных субъектов в составе субъектно-предикатных конструкций деавторизации; 4) гетерогенностью прагматических функций, реализуемых конструкциями деавторизации, представляющими разные субъектные группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филатова, В. В.* Авторизация предложения в художественном тексте (на материале творчества Сергея Довлатова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. В. Филатова. – Н. Новгород, 2000. – 194 л.
2. *Гричин, С. В.* Авторизационная модель научного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. В. Гричин. – Томск, 2017. – 347 л.
3. *Лебедева, Е. А.* Вводные модусные показатели в англоязычных аналитических медиатекстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Лебедева ; Новгород. гос. ун-т им. Я. Мудрого. – Великий Новгород, 2013. – 26 с.
4. *Кормилицына, М. А.* Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – М., 2007. – Вып. 9. – С. 243–249.

5. *Осетрова, Е. В.* Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Осетрова ; ФГОАУ «Сиб. федер. ун-т» – Красноярск, 2010. – 42 с.
6. *Осадчий, М. А.* Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. А. Осадчий ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2012. – 73 с.
7. *Пантелеев, Б. Н.* Свобода слова в рамках закона : пособие для журналистов / Б. Н. Пантелеев, Р. Д. Карымсакова, С. Г. Уткин. – Алматы : Адил соз, 2014. – 96 с.
8. *Курьянович, А. В.* Правовые риски и тактики ухода от них в условиях сетевой вербальной интеракции (на материале эпистолярных электронно-медийных текстов) / А. В. Курьянович // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – Томск, 2016. – Вып. 11 (176). – С. 9–16.
9. *Драчева, Ю. Н.* Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Драчева. – Вологда, 2019. – 575 л.

Поступила в редакцию 12.01.2024